

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

((направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовная ответственность за убийство матерью новорождённого ребёнка»

Студент

Д.А. Гайдуков

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

Н.Ж. Данилина

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021



Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

На протяжении исторического развития, вопросы ответственности за лишение жизни другого человека выступали в качестве одних из самых важных, в контексте уголовно-правового регулирования. Это не случайно, с учётом фундаментальной важности жизни, как социальной ценности в общем контексте прав человека вообще. Действующее уголовное законодательство, помимо общей нормы, обеспечивающей уголовно-правовую охрану жизни, путём установления ответственности за убийство в рамках ст. 105 УК РФ, предусматривает также особенности уголовной ответственности за иные посягательства на жизнь человека, сопряжённые со специфическими обстоятельствами. К такому составу преступлений относится убийство матерью новорождённого ребёнка. Соответствующая уголовно-правовая норма сформулирована законодателем довольно кратко, что является одной из причин многочисленных дискуссий на этот счёт – ведь, многие вопросы, нуждающиеся в регулировании, к сожалению, не нашли адекватного отражения в ст. 106 УК РФ, оставляя простор для правовых пробелов, неоднозначных толкований и ошибок в правоприменительной практике.

Цель исследования: обозначить основные проблемы, связанные с уголовной ответственностью матери за убийство новорождённого ребёнка, в соответствии с нормами действующего уголовного законодательства.

Тематика исследования, будучи достаточно актуальной, поднималась в работах разных специалистов. Следует выделить работы таких авторов как: А.Г. Бабичев, С.В. Бородин, К.В. Дядюн, В.П. Карлов, Д.С. Князев, А.Н. Красиков, В.Н. Кудрявцев, О.В. Лукичев, Н.В. Лысак, И.Я. Фойницкий, М.Д. Шаргородский и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Формирование ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка в контексте регулирования ответственности за убийство в истории отечественного уголовного права	7
1.1 Ответственность за убийство в истории отечественного уголовного права	7
1.2 Формирование уголовной ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка	15
Глава 2 Объективные и субъективные признаки убийства матерью новорождённого ребёнка	21
2.1 Объективные признаки убийства матерью новорождённого ребёнка	21
2.2 Субъективные признаки убийства матерью новорождённого ребёнка.....	37
Глава 3 Проблемы квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка и совершенствование регулирования ответственности за данное преступление	43
3.1 Анализ проблем толкования ст. 106 УК РФ при квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка	43
3.2 Совершенствование нормативного регулирования ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка.....	47
Заключение	56
Список используемой литературы и используемых источников	62

Введение

Актуальность исследования. На протяжении исторического развития, вопросы ответственности за лишение жизни другого человека выступали в качестве одних из самых важных, в контексте уголовно-правового регулирования. Это не случайно, с учётом фундаментальной важности жизни, как социальной ценности в общем контексте прав человека вообще.

Право каждого человека на жизнь гарантируется Конституцией Российской Федерации [29] (Конституцией РФ) и обеспечивается государством независимо от личностных особенностей.

При этом, действующий в настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации [66] (УК РФ), помимо общей нормы, обеспечивающей уголовно-правовую охрану жизни, путём установления ответственности за убийство в рамках ст. 105 УК РФ, предусматривает также особенности уголовной ответственности за иные посягательства на жизнь человека, сопряжённые со специфическими обстоятельствами. К такому составу преступлений относится убийство матерью новорождённого ребёнка, ответственность за которое регламентирована в ст. 106 УК РФ.

Состав этого преступления является привилегированным. То есть, как указывается специалистами, «исходя из социального статуса преступника, с учетом его демографических и физиологических свойств законодатель посчитал возможным смягчить наказание за данное преступление, которое законом отнесено к преступлениям средней тяжести, хотя объектом посягательства является жизнь человека» [20, с. 19].

Данная уголовно-правовая норма сформулирована законодателем довольно кратко, что является одной из причин многочисленных дискуссий на этот счёт – ведь, многие вопросы, нуждающиеся в регулировании, к сожалению, не нашли адекватного отражения в ст. 106 УК РФ, оставляя простор для правовых пробелов, неоднозначных толкований и ошибок в правоприменительной практике.

Имеются проблемы в толковании того, кто именно может выступать потерпевшим по данному составу преступления, кто может (или не может) привлекаться к ответственности в качестве субъекта преступления, как интерпретировать ряд элементов объективной и субъективной стороны данного уголовно наказуемого деяния и т.д.

Таким образом, множество как теоретических, так и практических вопросов, связанных с регулированием ответственности матери за совершение посягательства на жизнь своего новорождённого ребёнка, нуждается в научном осмыслении, что обосновывает актуальность данной темы работы.

Цель исследования: обозначить основные проблемы, связанные с уголовной ответственностью матери за убийство новорождённого ребёнка, в соответствии с нормами действующего уголовного законодательства.

Задачи исследования:

- рассмотреть вопросы ответственность за убийство в истории отечественного уголовного права;
- охарактеризовать вопрос формирования уголовной ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка;
- проанализировать объективные и субъективные признаки убийства матерью новорождённого ребёнка;
- проанализировать вопросы, связанные с проблемами толкования ст. 106 УК РФ при квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка;
- определить пути совершенствования нормативного регулирования ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка.

Объект исследования: комплекс охраняемых уголовным законом общественных отношений, связанных с жизнью новорождённого.

Предмет исследования: уголовно-правовые нормы, а также материалы правоприменительной практики, связанные с регулированием уголовной ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка.

Методология исследования: в основе проведенного исследования лежит метод сравнительного анализа, исторический метод, логико-структурный анализ правовых норм, логический и аналитический метод.

Степень разработанности темы исследования. Тематика исследования, будучи достаточно актуальной, поднималась в работах разных специалистов. Следует выделить работы таких авторов как: А.Г. Бабичев, С.В. Бородин, К.В. Дядюн, В.П. Карлов, Д.С. Князев, А.Н. Красиков, В.Н. Кудрявцев, О.В. Лукичев, Н.В. Лысак, И.Я. Фойницкий, М.Д. Шаргородский и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Формирование ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка в контексте регулирования ответственности за убийство в истории отечественного уголовного права

1.1 Ответственность за убийство в истории отечественного уголовного права

Необходимо отметить тот факт, что на протяжении истории – в различные периоды развития отечественного права, в российском государстве подходы к охране права на жизнь были самые разные.

С развитием государства и права, развивалось и уголовное законодательство, совершенствовались нормы, регламентирующие ответственность за убийство, изменялось само отношение к убийству и его видам.

Анализ развития норм об ответственности за убийство необходим для полноценного анализа современного уголовного законодательства.

Одним из крупнейших и древнейших памятников древнерусского права по праву считается Русская Правда, предусматривающая ответственность за различные категории противоправных посягательств на жизнь, в том числе и за убийство.

Как отмечает А.Н. Красиков, «в Русской Правде большое внимание уделено убийству» [30, с. 5].

Русская Правда устанавливает ответственность за убийство в сваде (т.е. драке), убийство на пиру и убийство в разбое («без всякая свады»). Отличалась и ответственность за различные виды убийства.

Как отмечается А.А. Акмаловой и В.А. Смирновым, убийство в состоянии опьянения или раздражения, в большинстве случаев, смягчало ответственность, однако, имели место и случаи, когда опьянение вызывало повышенную ответственность [2, с. 35].

Существовавшие противоречия и достаточно высокая казуистичность говорят о том, что законодательная техника тех времен конечно же не была совершенной.

На ранних этапах, Русская Правда в качестве наказания за убийство предусматривала кровную месть. В дальнейшем, Русская Правда сделала первый шаг в правовом ограничении древнего обычая кровной мести за счет усиления государственных и правовых начал в решении вопроса об ответственности за совершение преступления.

А.Н. Фёдорова пишет о том, что «вместе с разложением первобытного общества и ослаблением кровных связей ослабевала и месть. Месть была религиозным долгом, следовательно, она могла существовать до тех пор, пока соответствовал, религиозным воззрениям, и должна была отмереть, если противоречило им. Христианская религия, утвердившаяся в Древней Руси в конце X в., осуждала и запрещала кровную месть, однако она оставалась обычаем до тех пор, пока не потребовалось отменить ее и ограничить правом. Но это стало возможным, когда вещи приобрели характер имущества, что позволяло использовать их в качестве эквивалента нанесенного вреда и меры искупления» [69, с. 35].

В последующих правовых актах древнерусского права – Судной Псковской грамоте (1397 г.), Двинской грамоте (1398 г.) и др. – также имели место нормы, предусматривающие ответственность за убийство.

Завершающийся процесс объединения русских земель обусловил необходимость принятия нормативного акта, который бы устанавливал единообразие правового регулирования в условиях новой исторической действительности. Такими правовыми документами стали Судебники 1497 г. [61] и 1550 г. [62]

В Судебнике 1497 г. нашли отражение и происшедшие изменения в области уголовного права. Число деяний, признаваемых преступными, увеличивается, главным образом, за счет посягательств на государственно-публичные интересы. Виды и меры уголовных наказаний становятся

жестокими и суровыми. Имущественные санкции за преступления встречаются реже. Наказание преследует цель возмездия и устрашения.

Пожалуй, наиболее значительным документом того исторического периода, касающегося охраны жизни человека стал акт «Запись о душегубстве» [18].

В соответствии с обозначенным документом, под душегубством понималось не только убийство другого лица, но и самоубийство, а также гибель в результате несчастного стечения обстоятельств. В Судебнике 1550 г. убийство именуется душегубством (ст. 6).

Судебником 1497 г. впервые в истории отечественного уголовного права была введена такая категория, как «государский убийца», т. е. лицо, убившее своего господина.

Далее, в 1649 г., состоялось утверждение такого нормативного документа, как Соборное Уложение 1649 г. [58]

Следует отметить, что в нормах Соборного Уложения уделяет значительное внимание дифференцированию ответственности преступлений против личности и, в частности, посягательствам на жизнь. В данном документе предусматривалась дифференциация ответственности в зависимости от формы вины.

Примечательным, по словам А.Н. Красикова, в Соборном уложении является то, что за убийство феодалом крестьянина, принадлежавшего другому феодалу, убийца-феодал подвергался не торговой казни, а тюремному заключению до государева Указа [30, с. 9].

Важным в Соборном уложении является указание о ненаказуемости случайного (невиновного) причинения смерти (ст. 18). Это законоположение, можно сказать, меняло отчасти редакцию Записи о душегубстве, согласно которой, любое лишение жизни человека, в том числе случайное, считалось убийством и влекло за собой уголовные санкции. Под понятие душегубства не попадали теперь случаи, когда человек «от своих рук утерется» и случаи внезапной смерти «без покаяния в грехах».

Данная деталь имела большое значение в деле охраны прав человека от необоснованного уголовного преследования. Приведенная декриминализация выглядит отчасти странной на фоне усиливающегося влияния церкви. Очевидно, законодатель при этом исходил из здравого практического смысла.

В годы власти Петра I развитие уголовного законодательства было связано с дальнейшим усилением государственно-публичных интересов.

Были приняты такие акты, как Артикул воинский и Морской устав [3]. В Артикуле воинском достаточно большое внимание было уделено нормам, предусматривающим уголовную ответственность за посягательства на жизнь.

Очевидно, что петровское законодательство стало очередным шагом вперед в развитии отечественного уголовного права. В последующие годы, развитие законодательства, регламентирующего ответственность за убийство, продолжало развиваться.

Достойной преемницей Петра I в деле правового реформаторства была Екатерина II. Она поставила себе грандиозную цель – составление нового государственного Уложения. Россию она считала европейской державой со времен Петра I и полагала поэтому, что российские законы должны иметь европейские основы.

В Манифесте от 6 июля 1762 г. Екатерина II отметила неуспешные попытки привести русское законодательство в порядок и высказала, что «усмотря все те же предками нашими примеченные неудобства и кои с того времени еще сверх оказались, близ двух лет тому назад начали сами готовить Наказ, по которому должны поступать те, кому от нас поведено будет сочинить просит нового Уложения...» [30, с. 11]. Отдельные части Наказа Екатерины II были, по сути дела, Основами уголовного законодательства.

Наказ Екатерины II был составлен на базе прогрессивных идей зарубежных мыслителей: Монтескье, Руссо, Блекстона, Вольтера и других.

В начале XIX века еще острее чувствовалась необходимость кодификации права. Интенсивное развитие экономических и социальных сфер

жизни диктовали необходимость принятия новых правовых актов, соответствующих духу времени.

С 1826 года при Николае I начинается работа по кодификации законодательства Российской империи. Была проведена большая работа со всем нормативным материалом. К 1830 году было составлено Полное собрание законов Российской империи. После осуществления работы по созданию Полного собрания законов комиссия приступила к созданию Свода законов.

Как отмечает М.Д. Шаргородский, чем дальше эволюция уголовного законодательства приближалась к новому периоду, тем контрастнее выступает значение его как формы классовой концепции. Интересам определенных социальных групп придается значение интересов государственных, а государственно-публичный интерес в уголовном праве гипертрофируется. Охране частных интересов отводится значительно меньшее значение [71, с. 30].

В новом Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в первую очередь, были отражены преступления против жизни, которые представляли собой две группы посягательств. Первая слагалась из посягательств, именуемых смертоубийством, а вторая – объединяла преступления, связанные с самоубийством. В Уложении убийство подразделялось на простое, квалифицированное, а также привилегированное и совершенное по неосторожности.

К числу преступлений против жизни закон относил производство аборта. Данное посягательство приравнивалось к умышленному убийству, на что оказало своё влияние каноническое право.

По своим характеристикам, Уложение 1845 г. имело как положительные качества, выделяемые исследователями, так и недостатки. В данном нормативном акте более чётко осуществлялось структурное объединение однородных преступлений, была сделана попытка провести категоризацию преступных деяний. С другой стороны, как отмечал М.Д. Шаргородский,

«система и редакция статей о преступлениях против жизни в Уложении о наказаниях была казуистичной, запутанной, несогласованной, отставала от уровня тогдашней науки, вызывала недоразумения в практике» [71, с. 31].

Несмотря на то, что Уложение 1845 г. не в полной мере соответствовало реалиям, оно продолжало действовать вплоть до революции 1917 года.

По мнению Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова [34, с. 96], принятие Уложения о наказаниях 1845 г. и последующее его развитие, т.е. изменения и дополнения, заметно оживили научные исследования в области уголовного права. В последующие годы была проведена значительная работа в направлении реформирования российского уголовного законодательства, результатом которой стала подготовка Уголовного уложения 1903 г. [65]

Однако, как отмечается исследователями, данный нормативный документ, фактически, полностью не был введён в действие. Таким образом, Уложение 1845 г. фактически действовало во второй половине девятнадцатого столетия, вплоть до революции 1917 г., которая коренным образом повлияла на дальнейший путь развития отечественного уголовного права.

Как отмечает Т.В. Непомнящая, «после победы Октябрьской социалистической революции сразу же стало формироваться советское уголовное право, основной целью которого была защита от преступных посягательств советского общественного и государственного строя, установленного Советским государством правопорядка, личных и имущественных прав советских граждан» [40, с. 345].

Несмотря на начало нормотворческой работы в направлении формирования уже советского уголовного законодательства, «старое» законодательство дореволюционного периода фактически отчасти продолжало действовать в то части, в которой не противоречило социалистическому правосудию, на что указывалось в одном из первых документов советской власти – Декрете о суде № 2 [11].

Важно также отметить, что уголовное законодательство, начиная с советского периода, приобретает в полной мере черты светского.

В первом советском уголовном кодексе, главе пятой УК РСФСР 1922 г. [44], посвященной преступлениям против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, на первом месте была помещена группа составов преступлений, объединяемых понятием убийство. В нее входили практически такие же составы, какие были предусмотрены в Уголовном уложении 1903 г. Можно сделать вывод, что в указанный советский период мало что изменилось в объеме уголовно-правовой охраны права на жизнь. В УК РСФСР 1922 г. была лишь усовершенствована по сравнению с предшествующим периодом юридическая техника конструирования составов преступлений против жизни.

Одним из значимых, заслуживающих одобрения аспектов, стала декриминализация самоубийства и покушения на него.

УК РСФСР 1926 г. [45], по своей сути, воспроизвел систему преступлений против жизни по УК РСФСР 1922 года с рядом незначительных аспектов.

Новым составом преступления в УК РСФСР 1926 г. стал состав доведения до самоубийства (ст. 141).

М.Д. Шаргородский по данному поводу отмечает, что «наше уголовное законодательство поступает совершенно правильно, когда, рассматривая самоубийство как действие, безусловно противоречащее социалистической морали, не устанавливает за него никакого наказания, но тот, кто помогает самоубийству, кто, оставаясь в живых, помогает другому человеку покончить с собой, тот, безусловно, представляет общественную опасность, вне зависимости от того, было ли лицо, покончившее с собой, вменяемо или нет» [71, с. 38].

Система преступлений против жизни подверглась существенному пересмотру в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. [17]

Систему преступных посягательств на жизнь людей составляли: «умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах; убийство, именуемое в теории как убийство без отягчающих и привилегированных обстоятельств (простое); умышленное убийство, совершенное в состоянии

сильного душевного волнения; убийство при превышении пределов необходимой обороны; неосторожное убийство; доведение до самоубийства» (ст.ст. 102-106 УК РСФСР 1960 г.).

Одним из новшеств, включённых в УК РСФСР 1960 г. является такое отягчающее вину обстоятельства, как убийство двух или более лиц.

С точки зрения юридической техники законодателя, формулировки положений УК РСФСР 1960 г., которые касаются ответственности за различные виды посягательств на жизнь, видятся более качественными.

Из ряда квалифицирующих признаков убийства в новом УК законодатель убрал убийство из ревности и других низменных побуждений (п. «а» ст. 136 УК 1926 г.).

Наказание как за квалифицированное, так и за простое убийство было вновь ужесточено. Простое убийство – т.е. убийство без отягчающих и привилегированных обстоятельств предполагало возможность применения к виновному наказания в виде лишения свободы на срок от 3 до 10 лет.

Наказания за убийства при наличии привилегирующих признаков и за совершение неосторожного убийства по УК 1960 г., если сравнивать ответственность за аналогичные деяния в соответствии с нормами УК РСФСР 1926 г. различались гораздо меньше.

Принятие Конституции РФ 1993 г. и начало реформирования, направленного на демократизацию государства и права, обусловило претворение в жизнь и демократических преобразований, касающихся уголовного законодательства.

Содержательным итогом процесса реформирования норм уголовного законодательства стало принятие в 1996 г. нового Уголовного кодекса Российской Федерации, определившим действующие в настоящее время подходы к уголовной ответственности за различные виды убийств.

Рассмотрев общие аспекты становления в отечественном уголовном законодательстве дореволюционного и советского периода норм, регламентирующих ответственность за убийство, далее, перейдём к анализу

более частного вопроса – вопроса формирования в отечественном уголовном праве норм, предусматривающих ответственность за отдельный специфический вид убийства, в качестве которого выступает убийство матерью новорождённого ребёнка.

1.2 Формирование уголовной ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка

Анализ вопросов формирования уголовной ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка, в историческом аспекте развития отечественного уголовного законодательства, позволяет нам более наглядно проследить эволюцию уголовной ответственности за данное деяние – в её диалектике.

Первоначально в Древнерусском государстве убийство ребёнка, совершённое родителями (как отцом, так и матерью) не выделялось в качестве преступления, считаясь грехом.

Как отмечается в литературе, «отраженное в уставах русских князей каноническое византийское право видело в детоубийстве скорее посягательство на христианские устои семьи и нравственности, а не на жизнь и наказывалось церковным покаянием – епитимией, причем независимо от того, был ребенок рожден в браке или нет» [10, с. 20].

Из норм Соборного уложения 1649 г. уже усматривается не только формирование понимания детоубийства, как преступления, но и дифференцированного подхода к его наказуемости. В частности, убийство ребёнка, рождённого в браке, совершённое его родителем (не только матерью, но и отцом), расценивается как менее опасное преступление, чем убийством матерью ребенка, рождённого вне брака.

Так, в ст. 3 главы XXII указывалось: «А будет отец или мать сына или дочь убьет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходити им к церкви божию, и у церкви божию объявляти тот свой грех

всем людям в слух. А смертью отца и матери за сына и за дочь не казнити» [58].

Очевиден достаточно мягкий подход законодателя к обозначенному деянию, учитывая широкую практику назначения за совершение убийства смертной казни. В этом усматривается взгляд на отношения родителей и детей, как своего рода отношения власти и подчинения.

При этом, гораздо более строгая ответственность имела место при убийстве матерью незаконнорожденного ребенка: «А будет которая жена учнет житии блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей и тех детей сама, или иной кто по ея велению погубит, а сыщется про то допряма: и таких беззаконных жен, и кто по ея велению детей ея погубит, казнити смертью безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися» [58].

То есть, исходя из текста обозначенной нормы, ответственность в виде смертной казни наступала не только за совершение убийства матерью своего незаконнорожденного ребёнка, но и в том случае, когда мать выступала организатором убийства, а непосредственным исполнителем являлось иное лицо.

Более суровый подход к регламентации ответственности за убийство незаконнорождённого ребёнка может быть объясним с позиции того, что в данном случае имеет место нарушение сразу двух заповедей: «не убий» и «не прелюбодействуй», на что обращает внимание Е.И. Грубова [10, с. 20].

Кроме того, законодатель в данном случае следует идеи не только наказания за само деяние, а также устрашения в отношении неопределённого круга лиц: «... казнити смертью безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися» [58].

Примечательно, что государство в период правления Петра I занималось определённой профилактикой совершения данного рода деяний, предусматривая на законодательном уровне создание особых домов для воспитания внебрачных детей. Матери, родившие ребёнка вне брака, могли на

добровольной основе приносить своих детей в данный учреждения. При этом, матери могли приносить своих детей туда тайно, не открывая своего имени, с закрытыми лицами, что создавало основу для того, чтобы матери не боялись общественного осуждения.

1 января 1835 г. в России вступил в действие Свод законов Российской империи, в том числе уголовных, ставший фактически первым отечественным уголовным кодексом.

«К умышленному убийству при отягчающих обстоятельствах законодатель наряду с убийством отца или матери, законодатель относил чадоубийство (убийство сына или дочери родителем) и детоубийство (убийство малолетнего)» [38, с. 45] – пишут авторы.

Примечательно, что в указанном правовом источнике убийство незаконнорождённого ребенка уже не выделялось в качестве привилегированного состава преступления. Напротив, умышленное причинение смерти малолетнему ребенку признавалось тяжким преступлением, влекущим соответствующую реакцию со стороны государства.

В тексте принятого в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [67] было обозначено несколько разновидностей детоубийства, среди которых: умышленное убийство сына или дочери, которые были рождены в законном браке. Данное преступление относилось к категории тяжких и, в соответствии со ст. 1451, каралось лишением всех прав состояния и пожизненными каторжными работами.

Как писал Н.С. Таганцев, «наказание могло смягчаться тремя степенями в случае, когда убийство внебрачных сына или дочери совершено матерью от страха или стыда, при самом рождении младенца, если, однако же, при этом не будет доказано, что она была уже прежде виновата в том же преступлении» [63].

При этом, убийство ребёнка, рождённого вне брака, влекло несколько иные последствия, а именно: лишение всех особенных, лично и по состоянию

присвоенных прав и преимуществ, заключение в тюрьму на срок от четырех до шести лет.

Также примечательно, что анализируемый правовой документ содержал один привилегированный состав убийства ребёнка – убийство новорождённого ребёнка-урода (ст. 1469 Уложения).

В положениях разработанного позднее, но, как уже было отмечено, так и не вступившего полностью в действие Уголовного уложения 1903 г. [65] также содержалась норма, посвящённая убийству ребёнка – ст. 461 Уложения. Причём, данная норма достаточно близка по своей нормативной конструкции и сущности к современным подходам ответственности за подобное противоправное деяние. Рассматриваемая норма носит привилегированный характер. Потерпевшим может выступать именно новорождённый, появившийся на свет вне брака. Момент убийства определяется законодателем как «при рождении», что указывает на соответствующий объективный аспект состава преступления. Субъектом может выступать только мать ребёнка. Форма деяния может быть любой – как в виде действия, так и в виде бездействия (неоказание новорожденному помощи).

Относительно рассматриваемого состава преступления Уголовного уложения 1903 г., в публикациях пишут, что привилегированный характер деяния обуславливался законодателем того времени тем, что «женщина в период родов испытывает особого рода физические и моральные страдания, которые выводят ее из нормального психического состояния, и в силу этого она не способна в полной мере осознавать свои действия и руководить ими, а также стыдом и страхом за будущее как самой виновной, так и ее внебрачного ребенка» [10, с. 20].

Сравнивая соответствующие составы Уложения 1845 г. и Уложения 1903 г. нельзя не обратить внимание на отказ от такого привилегированного состава, как убийство матерью новорожденного-урода, что связано, как представляется, с развитием общественных отношений. Законодатель пришёл к пониманию того, что недопустимо считать физическую ущербность ребёнка

в качестве обстоятельства, которое должно быть учтено при назначении наказания. Уголовная ответственность за такое убийство наступала на общих основаниях в зависимости от наличия или отсутствия обстоятельств, указанных в ст. 461 Уложения.

Примечательно, что позиция законодателя в дореволюционный период по вопросу ответственности матери за убийство ребёнка претерпевала трансформации – от признания данного деяния квалифицированной разновидностью убийства, что влекло повышенную ответственность, до признания его привилегированным преступлением, с обратными последствиями в виде смягчения ответственности и возможного уголовного наказания.

Первоначальный взгляд на необходимость более строго наказания за содеянное матерью обуславливалось восприятием анализируемого деяния с позиции греха. Как указывается отдельными авторами, сторонники данного подхода указывали на такие отягчающие вину критерии, как: «лишение ребенка крещения, нарушение матерью заповеди, запрещающей внебрачную половую связь, близость кровного родства между матерью и ребенком, необходимость усиленной уголовной защиты слабого существа, неизбежная предумышленность преступления» [38, с. 45].

Сторонники противоположного подхода исходили из особого психофизиологического состояния матери, связанного с родами, что должно учитываться правоприменителем.

И.Я. Фойницкий писал, что «сам акт родов на организм родильницы оказывает глубокое влияние, и эти особенности соматического состояния должны быть приняты во внимание при оценке ее деяния, так как они отражаются на самой волевой деятельности» [70].

Именно данный подход стал превалирующим и закрепился в положениях уголовного законодательства, определяя наказуемость такого деяния.

Тем не менее, до сих пор в научных публикациях высказываются суждения о неоправданности смягчения ответственности для матерей, совершающих убийство своих новорождённых детей. Более того, отдельные авторы пишут о необходимости «ужесточения уголовной репрессии за столь опасное преступление, как детоубийство» [43, с. 71].

Тем не менее, такая точка зрения не имеет широкого распространения. Позиция законодателя остаётся неизменной – в современном правовом регулировании состав преступления, предусматривающий ответственность матери за убийство новорождённого ребёнка имеет привилегированный характер.

Подводя итоги первой главы исследования, необходимо отметить, что развитие уголовного законодательства относительно ответственности за убийство в целом и убийство матерью новорождённого ребёнка проходило определённые этапы, следуя за развитием соответствующих общественных отношений, общественной морали и нравственных устоев.

В конечном итоге, по мере отказа от подходов к обоснованию наказуемости соответствующих деяний во взаимосвязи с нормами христианской морали и развитием научных взглядов на специфику психофизиологического состояния матерей период родов и после них, в положениях отечественного уголовного законодательства закрепился подход к определению убийства матерью новорождённого ребёнка, как привилегированного состава преступления против личности.

Глава 2 Объективные и субъективные признаки убийства матерью новорождённого ребёнка

2.1 Объективные признаки убийства матерью новорождённого ребёнка

В первую очередь, необходимо отметить, что объективные признаки анализируемого состава уголовно наказуемого деяния (объект преступления и объективная сторона преступления) являются, большей частью, общими с аналогичными признаками основного состава убийства, закреплёнными в ст. 105 УК РФ.

Уголовно-правовая теория выделяет категории объектов преступления в виде: родового, видового и непосредственного объекта.

Под родовым объектом понимается группа однородных или же достаточно близких по своему содержанию общественных отношений, которые с учётом такой взаимосвязи подлежат охране посредством единого комплекса уголовно-правовых норм. Обычно на наименование родового объекта содержится указание в непосредственном названии раздела Особенной части УК РФ.

В частности, Особенная часть УК РФ открывается разделом VII «Преступления против личности», в которой и обозначена ст. 106, предусматривающая ответственность за убийство матерью новорождённого ребёнка. В этой связи, родовой объект данной разновидности убийства представляют общественные отношения, которые направлены на охрану прав и свобод личности.

В данном аспекте некоторые авторы, например А.Г. Бабичев, пишут: «исследование личности в качестве объекта правовой охраны помогает более глубоко раскрыть социальную сущность уголовного права, его задач и целей. Так, от того, что считать сущностью личности – исключительно общественные отношения, составляющие ее социальную основу, или, кроме того,

психологические и биологические признаки, характеризующие человека как природное биологическое существо, - зависит и решение вопроса о родовом объекте преступления против личности. Если признать, что сущность личности составляют одни лишь общественные отношения, тогда и объектом преступления следует считать исключительно эти отношения. Включение же в сущность личности психологических и биофизиологических признаков приводит к выводу, что таким объектом является более широкая категория» [5, с. 51].

В процессе разрешения проблемы объекта убийства вообще и убийства мать новорождённого ребёнка в частности, необходимо иметь достаточно полное представление о соотношении сущности человека и личности.

В категорию «человек», обычно вкладываются биосоциальные характеристики индивида, а уже через понятие «личность» делается акцент на социальных свойствах и качествах. Но и личность также обладает всеми теми признаками, которые характеризуют человека, включая биологические признаки.

Человек является таковым с момента рождения, а вот личностью в силу факта рождения индивид не становится – такое качество поэтапно приобретает индивидом в процессе жизнедеятельности в обществе, путем постепенной социализации, т.е. овладения социальным опытом.

В первую очередь, это применимо к взрослым людям, идущим по пути социального развития и личностного становления. Но ребёнок (в том числе, новорождённый) обладает таким же личностным потенциалом, как и любой другой индивид – просто данный потенциал находится в зачаточном состоянии и ему ещё предстоит реализоваться по мере взросления человека.

Как справедливо отмечает С.В. Бородин, «жизнь человека – понятие социальное, а не только биологическое. Жизнь только как биологическое понятие не может быть объектом преступления, потому что это понятие в равной мере относится к жизни, как охраняемой, так и не охраняемой обществом и его законами» [6, с. 48].

В этой связи, преступления против личности посягают на личность в разных сферах и плоскостях, во всём многообразии проявлений.

Как отмечается в науке, «личность как родовое понятие в объекте уголовно-правовой охраны – это персонифицированный, определенный индивидуальностью, рассматриваемый в единстве биологической и социальной сущности человек как субъект общественных отношений, обладающий от рождения естественными правами и свободами, наделенный другими правами и свободами, охраняемыми уголовным законом» [5, с. 55].

По этой причине, родовой объект любого убийства, включая убийство матью новорождённого ребёнка, представляет собой общественные отношения, которые направлены на охрану личности, ее прав и свобод.

С подобным подходом к определению родового объекта преступного посягательства склонны согласиться многие учёные, такие, как С.В. Бородин, Н.И. Ветров, А.И. Коробеев.

Видовой же объект убийства – это те общественные отношения, которые направлены на охрану жизни. Относительно состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ – это общественные отношения, которые направлены на охрану жизни новорождённого.

«Жизнь – это совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи» [64, с. 370] – определяется в толковом словаре русского языка.

Жизнь представляет собой главное и самое ценное из нематериальных благ, которое является необходимой предпосылкой для возникновения у индивида любых других субъективных прав, включающих как имущественные, так и неимущественные.

Как указывает В.В. Комарова, «право на жизнь – базовое субъективное право и важнейший элемент правового статуса человека и гражданина в Российской Федерации» [22, с. 46].

Данное право правомерно рассматривается как основа всего комплекса прав и свобод личности, признание, соблюдение и защита которых является прямой обязанностью государства, в соответствии со ст. 2 Конституции РФ.

В ст. 20 Конституции РФ определено, что каждый имеет право на жизнь. Тем не менее, законодатель не даёт определение данного права, не раскрывает его составляющие, а также иные критерии.

Толкование данного конституционного положения, в контексте ст. 17 Конституции РФ, позволяет сделать вывод о том, что право на жизнь является неотчуждаемы и принадлежит каждому индивиду от рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ).

В уголовно-правовой науке отсутствует единообразный подход к пониманию непосредственного объекта преступлений против жизни, к числу которых как раз и относится убийство.

Некоторые учёные считают, что непосредственный объект убийства – это общественные отношения по охране жизни и здоровья человека. Право на жизнь трактуется данными авторами «как объективное существующее право каждого, которому корреспондирует обязанность воздерживаться от посягательств на жизнь любого другого человека» [28, с. 38].

А.Н. Красиков высказывает мнение, согласно которому «при убийстве осуществляется посягательство, в первую очередь, не на какие-либо общественные отношения, а на право лица на жизнь, которое следует считать непосредственным объектом посягательства при убийстве» [30, с. 14].

Некоторые учёные рассматривают жизнь человека в качестве объекта посягательства наряду с общественными отношениями.

Как полагает Ю.А. Демидов, «ценность жизни или здоровья во много раз превышает совокупность ценность общественных отношений, которые страдают при совершении преступного посягательства. Признание охраняемым объектом только общественных отношений, вело бы к противоречию этическим представлениям о ценностном значении жизни индивида и прямым указанием уголовного закона» [12, с. 155].

Данная авторская позиция видится наиболее убедительной, так как жизнь лица – есть не только субъективное право, находящееся под охраной уголовно-правовых норм, но и то, что обладает своей самостоятельной социально-биологической и духовной ценностью.

Совершая убийство, преступник, тем самым, осуществляет непосредственное посягательство на жизнь другого лица. Исходя из такого понимания, непосредственным объектом анализируемого нами противоправного деяния выступает жизнь новорождённого.

Исходя из сказанного, преступное посягательство на жизнь человека может иметь место лишь тогда, когда-то лицо, на жизнь которого направлено посягательство, было уже родившимся, но ещё не умерло [71, с. 38].

Действующее законодательство не конкретизирует момент начала жизни, хотя, в первую очередь, решение данного вопроса является важным именно в контексте регламентации ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка, ввиду непосредственной близости момента начала жизни и момента посягательства на неё со стороны матери ребёнка.

Данная проблема решается на уровне доктрины. Медицинская наука считает началом жизни момент зачатия – т.е. момент оплодотворения женской яйцеклетки. Медицинские специалисты придают отдельное значение также «моменту отделения ребенка от утробы матери, началу самостоятельного дыхания и т.п.» [23, с. 145]

Отдельные авторы пишут о том, что начало жизни связывается с моментом «перехода присущего плоду зародышевого кровообращения в легочное. Это происходит в момент первого дыхательного движения при попадании воздуха в легкие» [4, с. 60].

В ряде публикаций отдельные специалисты ведут речь о том, что «биологическая жизнь восходит своим началом к эмбриональному состоянию человеческого организма, а социальная жизнь человека начинается с момента его рождения» [55, с. 25].

Не случайно юридическая наука связывает начало жизни с моментом рождения, как указывает Н.В. Лысак [39, с. 38].

В соответствии с Приказом Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» [53], моментом рождения является «момент отделения плода от организма матери посредством родов» (п. 1 Медицинских критериев рождения). Критерии же рождения нормативно связаны со сроком беременности, массой и длиной тела ребёнка. Данный документ оперирует также понятием «живорождение», которое соединяет в себе критерии рождения с наличием признаков живорождения, в качестве которых указываются дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента.

При этом, при отсутствии у новорождённого сердцебиения по истечении 10 минут с начала проведения реанимационных мероприятий в полном объеме (искусственной вентиляции легких, массажа сердца, введения лекарственных препаратов) реанимационные мероприятия прекращаются, в соответствии с действующими в настоящее время Правилами прекращения реанимационных мероприятий [46], направленных на восстановление жизненно важных функций организма.

Фактическое причинение смерти ребенку до момента рождения не может быть квалифицировано в качестве убийства ребенка. Именно по этой причине убийство женщины в состоянии беременности (независимо от её срока) не может быть расценено как убийство двух лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а должно квалифицироваться как убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Необходимо и необходимо и правильное установление фактического момента наступления смерти, которое обуславливает окончание физической жизни индивида, после чего защита жизни лица перестаёт иметь смысл.

Понятие «смерть» определяется в словаре толкового русского языка, как «прекращение жизнедеятельности организма» [64, с. 724].

В медицинской науке различают два взаимосвязанных друг с другом этапа смерти: клиническая смерть и биологическая смерть.

Как указывают отдельные авторы, клиническая смерть характеризуется кратковременным прекращением дыхания и сердцебиения. В течение 5-7 минут жизненные и обменные процессы в организме продолжают и лицо ещё может быть возвращено к полноценной жизни. Если же сделать это не удаётся, по истечении короткого промежутка времени, наступает необратимый этап смерти – биологическая смерть [9, с. 14].

Биологическая смерть связана с прекращением деятельности ЦНС, когда в головном мозге происходит необратимый распад белковых тел и восстановление жизненно-важных функций человеческого организма, с учётом современного уровня развития науки, невозможно.

Как и момент начала жизни, её завершение не является одномоментным актом, а представляет собой процесс, который имеет протяженность во времени и может происходить по-разному.

Одни авторы [33, с. 75] склонны считать возможным определять наступление смерти (а значит, окончание жизни) по таким факторам, как остановка дыхания и сердцебиения (отсутствие пульса). То есть, речь идёт о проявлениях клинической смерти.

Другие авторы [59, с. 348] полагают, что данных показателей недостаточно, хотя подобный перечень и видится практичным. Так, известны случаи, когда люди, изучающие особые практики, способны задерживать дыхание на десятки минут. Для клинической смерти характерно, с одной стороны, прекращение жизни, а с другой – отсутствие смерти.

Большинство ученых и практиков связывают наступление смерти именно с биологической смертью. Такой подход представляется наиболее верным: жизнь заканчивается не ранее, чем наступает биологическая смерть.

М.Н. Авдеев предлагает считать наступление смерти безусловным «по истечении 30 минут после констатации всех ее существенных признаков» [1, с. 77].

До наступления момента биологической смерти ещё остаётся вероятность оживления человека, и отсутствие адекватных мер по спасению его жизни, как и совершение разнообразных противоправных актов, как например изъятие органов для пересадки, нанесение телесных повреждений и т.п., должно безусловно признаваться преступным и наказуемым.

Таким образом, моментом начала уголовно-правовой защиты новорождённого в рамках ст. 106 УК РФ, является момент рождения, а момент завершения такой охраны связывается с моментом биологической смерти новорождённого.

Что касается признаков объективной стороны анализируемого деяния, то большей частью они едины с признаками убийства, содержащимися в ст. 105 УК РФ.

С объективной стороны убийство матерью новорождённого ребёнка, представляя собой типичное преступление с материальным составом, объединяя в себе такие элементы, как:

- деяние (действие или бездействие), которое имеет направленность на лишение жизни новорождённого ребёнка;
- результат в виде преступных последствий, которым является смерть новорождённого ребёнка;
- наличие причинной связи между деянием в виде действия или бездействия виновного и наступившим преступным результатом в виде смерти новорождённого ребёнка.

При убийстве форма деяния, как правило – это действие. Именно в форме действия реализуется преступный умысел подавляющего большинства убийств, включая анализируемую разновидность убийства – убийство матерью новорождённого ребёнка.

Новорождённый лишается жизни матерью, путём использования предметов бытового назначения, с использованием ядов, путем удушения, утопления или же каким-либо иным способом. Избрание способа убийства новорождённого не влияет на квалификацию деяния, но может учитываться судом при индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Но несмотря на всю разноплановость подобных способов, они едины в том, что представляют собой действия, хоть и достаточно разнообразные по содержанию.

Тем не менее, совершение убийства представляется возможным, хотя и редко, в форме бездействия. Относительно анализируемого состава преступления, бездействие, как форма убийства матерью новорождённого ребёнка выступает в качестве более вероятной формы убийства, чем это имеет место в отношении взрослого потерпевшего, с учётом того, что новорождённый является очень уязвимым в силу своей незащитности и нуждаемости в постороннем постоянном уходе.

Вероятным является совершение убийства новорождённого, путём отказа от его кормления, или оставления в условиях, губительных для жизни и здоровья ребёнка (например, под палящим солнцем или на морозе). Таким образом мать может лишить жизни своего новорождённого ребёнка не путём активных действий, а путём бездействия, влекущего наступление смерти новорождённого в связи с тем, что он не способен самостоятельно передвигаться и обеспечивать свои естественные жизненные потребности.

Анализируя особенности объективной стороны убийства матерью новорождённого ребёнка, следует помнить о том, что данное преступление с материальным составом. Если при наличии прямого умысла на лишение жизни отсутствует обозначенное общественно-опасное последствие, это значит, что деяние виновного лица (матери новорождённого ребёнка) является покушением на убийство, что при наличии приготовления к убийству или попытки его совершить, влечет квалификацию с указанием на ст. 30 УК РФ.

Как верно отмечается в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 г. № 1, покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам [47].

Смерть новорождённого, в качестве последствия деяния, может наступать сразу, или же через промежуток времени, но ключевым является наличие причинно-следственной связи между деянием, совершённым матерью новорождённого и последствием в виде гибели данного ребёнка. Это – один из важных моментов, необходимость доказывания которого лежит в основе обеспечения объективного и обоснованного привлечения лица к ответственности именно за убийство, а не иное преступление.

Существенной особенностью объективной стороны рассматриваемого деяния является специальный потерпевший, которым может выступать только новорождённый ребёнок, исходя из диспозиции ст. 106 УК РФ.

Следует заметить, что понятие «новорождённый» не находит конкретизации в законе. В науке самой распространённой является точка зрения, в соответствии с которой «период новорожденности – это время с рождения и до того момента, пока организм ребенка не адаптируется к обычным условиям внешней среды. В среднем он длится в пределах четырёх недель» [26, с. 320].

Соответственно, исходя из вышеизложенного, если возраст ребёнка превышает период новорожденности, ответственность субъекта преступления наступает не по привилегированному составу, а по квалифицированному – по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему ответственность за убийство малолетнего.

В качестве обязательных признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, выступают время, условия и обстановка совершения данного преступного деяния.

Что же касается временного периода, в течение которого данное убийство может иметь место, то законодатель упоминает три возможных варианта:

- период родов;
- период сразу же после родов;
- период, связанный с условиями психотравмирующей ситуации;
- период, связанный с состоянием психического расстройства матери, не исключающего вменяемости.

Следует отметить, что в науке высказываются критические отношения к подобной детализации, поскольку «указанные обстоятельства значимы для анализируемого привилегированного состава не сами по себе, а вкупе с особым психологическим состоянием женщины, обусловленным влиянием процесса родов и связанных с ним аспектов. Отсутствие же каких-либо отклонений в психологическом состоянии роженицы, обусловленных влиянием родового процесса, при совершении убийства младенца, напротив, должно исключать ответственность по ст. 106 УК РФ – деяние следует квалифицировать по ст. 105 УК РФ» [14, с. 15].

Л.Л. Кругликов полагает, что при убийстве матерью своего новорождённого ребёнка во время, или сразу же после родов, обуславливается аномалиями в психофизическом состоянии, которые влияют на способность осознавать характер и значение своих действий и этот факт определяется законодателем в качестве презумпции. По этой причине, даже если процесс родов состоялся «гладко», без явных психических аномалий роженицы, но, при этом мать совершила убийство новорождённого, это деяние всё равно необходимо квалифицировать по ст. 106 УК РФ [31, с. 29].

Данная точка зрения представляется более приемлемой и отвечает самой сути привилегированного характера рассматриваемого противоправного

посягательства, что и обусловило необходимость дифференциации ответственности и наказания матери новорождённого ребёнка, совершившей его убийство, по сравнению с общими условиями ответственности за лишение жизни другого лица, предусмотренные в ст. 105 УК РФ.

Тем не менее, обозначенные законодателем в диспозиции ст. 106 УК РФ аспекты объективной стороны деяния нуждаются в анализе.

Что касается периода родов, то признается родами в смысле ст. 106 УК РФ промежуток времени, наступивший сразу же после беременности и заканчивающийся, с момента начала естественного или искусственного прерывания беременности.

Период «сразу же после родов» трактуется неоднозначно. Относительно данного промежутка в литературе встречаются различные суждения.

Одни авторы считают, что «сразу же после родов» – это временной промежуток, равный двум суткам после рождения [54, с. 238], другие полагают, что этот временной период ограничен лишь сутками с момента рождения ребёнка [15, с. 113]. Какими же в таком случае правоприменителю руководствоваться критериями?

С.В. Бородин, в частности, считает, что определение фиксированного срока, применительно к ситуации «во время, или сразу же после родов, вряд ли приемлемо, и этот срок необходимо определять индивидуально, в зависимости от ситуации» [7, с. 112].

Наиболее верным представляется подход, в соответствии с которым под периодом «сразу же после родов», понимается срок, идентичный раннему родовому периоду – от 2 до 4 часов после выделения последа, в течение которого происходит пристальное наблюдение за состоянием матери, а спустя обозначенный временной промежуток мать переводят в послеродовое отделение [42, с. 35].

Период, в пределах которого мать новорождённого совершает убийство своего ребёнка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключаяющего вменяемости, ряд учёных

[37, с. 31] предлагает установить в пределах 28 календарных дней с момента родов, т.к. в педиатрии именно за обозначенное время происходит полная адаптация ребёнка к жизни.

Осуществить правильную квалификацию деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ в условиях психотравмирующей ситуации – отнюдь не легко.

Как считает О.В. Лукичев, конкретная ситуация может быть определена в отношении матери новорождённого ребёнка как психотравмирующая при наличии некоторых признаков:

- наличие психотравмирующей ситуации на момент совершения убийства;
- данная психотравмирующая ситуация должна находиться в прямой взаимосвязи с беременностью и родами;
- при оценке ситуации как психотравмирующей нужно исходить как из субъективного восприятия её виновной, так и из существующих в этом отношении комплекса общечеловеческих ценностей;
- необходимо установить, что именно наличие психотравмирующей ситуации сказалось на возникновении побуждения совершить убийство новорождённого, а не другие обстоятельства [35, с. 35].

По мнению Е.В. Ивневой и Е.В. Соловьёвой «психотравмирующая ситуация – это стечения ряда обстоятельств реальности, которые повлекли аккумуляцию негативных эмоций у женщины, а также которые могли быть вызваны физическими процессами во время родов, в том числе физическими страданиями в процессе деторождения. Так же можно говорить о таких категориях как стресс, фрустрация, которые в свою очередь могут быть вызваны рядом объективных обстоятельств, в результате которых женщина принимает решение, что она не в силах справиться с воспитанием ребенка» [19, с. 133].

Подобная ситуация, как полагает К.В. Дядюн, «может быть порождена различными психотравмирующими факторами: отказ отца ребенка признать его своим, неприятие ребенка со стороны родственников, отсутствие средств

к существованию, получение известия о гибели отца ребенка или близких родственников, рождение ребенка в результате изнасилования и др.» [14, с. 17]

Исходя из сказанного, обстоятельствами, которые могут оказать травмирующее влияние на психику матери и спровоцировать совершение убийства своего ребёнка могут быть самые разные обстоятельства, включая те, что непосредственно не связаны с ребёнком, беременностью, родами, но «способствуют аккумуляции негативных эмоциональных переживаний у виновной» [14, с. 17].

Рассмотрим подходы судов к определению того, какие именно ситуации могут расцениваться, как психотравмирующие.

В одном из приговоров Балашовского районный суда Саратовской области от 21.10.2015 г. № 1-173(1)/2015 суд описывает психотравмирующую ситуацию подсудимой О.В. Нешевой следующим образом: «боязнь потерять работу и боязнь материальных трудностей, которые могли бы возникнуть при воспитании ребенка» [49], данное состояние и стало катализатором для совершения убийства новорожденного ребенка.

В приговоре Могойтуйского районного суда Забайкальского края от 28.08.2015 г. № 1-121/2015 (1719) указано, что психотравмирующей ситуацией у подсудимой Т.В. Темниковой выступило «сложное материальное положение и то, что рождение ребенка для нее было нежелательным в силу неустановленных следствием причин» [48].

В приговоре Нововоронежского городского суда Воронежской области от 28.06.2018 г. № 1-66/2018 содержится указание на длительную психотравмирующую ситуацию у подсудимой И.В. Лосевой: «обусловленной распознаванием беременности на поздних сроках и невозможности ее легального прерывания, представлением об осуждающей и отвергающей позиции близких, ощущением одиночества, изоляции, а также низким материальным статусом, сомнением в возможности воспитать ребенка без помощи посторонних» [52].

Ленинским районным судом г. Грозного (Чеченская Республика) в приговоре от 03.02.2017 г. № 1-24/2017 действия подсудимой были квалифицированы как убийство новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации. В судебном акте указаны следующие обстоятельства: «из-за боязни общественного порицания и негативных последствий для себя, находясь в психотравмирующей ситуации, вызванной нежелательной беременностью, преждевременными родами и вызывавшей психологическую реакцию в виде напряжения, общего беспокойства, раздражительности, враждебности, снижения настроения и критических функций» [50].

Также следует отметить, что не исключены ситуации, когда относительно подсудимой имеют место и психотравмирующая ситуация и психическое расстройство, не исключающее вменяемости. В одном из приговоров Первомайского районного суда г. Владивостока Приморского края от 07.09.2017 г. № 1-354/2017 указывается: «страдающая психическим расстройством, не исключающим вменяемости в форме умственной отсталости легкой степени со слабо выраженными нарушениями поведения, сразу же после родов, находясь в эмоциональном напряжении, вызванном психотравмирующей ситуацией, совершила убийство» [51].

Вероятно, именно с тем, что имела место не только психотравмирующая ситуация, но и психическое расстройство матери, связано то, что суд не раскрыл в тексте вынесенного приговора вопрос о том, что выступило причиной психотравмирующей ситуации.

Представляется, что в такой ситуации отсутствие конкретизации не имеет ключевого значения, однако, если психотравмирующая ситуация – единственный определяющий фактор, его конкретизация в судебном решении является необходимой.

Таким образом, анализ судебных решений позволяет сделать вывод о том, что установление наличия психотравмирующей ситуации носит

оценочный характер и представляет собой сложный процесс, зависящий от множества факторов.

В большинстве случаев суды относят к психотравмирующим ситуациям следующее: послеродовую депрессию, сложное материальное положение, проблемы в семье, одиночество матери, нежелательную беременность, рождение ребенка и т.п.

Данные факторы могут оказать негативное влияние на психику матери и вызвать соответствующее состояние, обуславливающее совершение убийства новорождённого, однако, как указывается в публикациях, «объективность установления такого состояния – достаточно спорный вопрос» [16, с. 142].

Основная сложность определения содержания категории «психотравмирующая ситуация» состоит в том, что само определение того, что следует считать психотравмирующей ситуацией, в правовом регулировании отсутствует.

Это означает, что чётких границ данного понятие не обозначено и может быть определено, как полагает О.В. Лукичев, «специалистами в каждом конкретном случае, в ходе комплексного исследования конкретной личности, исходя из конкретных обстоятельств совершённого деяния» [36, с. 12].

В контексте сказанного, представляется верной, высказанная на этот счёт, позиция А.Н. Красикова, «в целях выяснения наличия психотравмирующей ситуации в каждом конкретном случае следует назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу для адекватной констатации психического состояния матери, которая совершила убийство своего новорождённого ребёнка» [30, с. 30].

Таким образом, как представляется, именно результат соответствующей экспертизы может позволить решить вопрос о наличии психотравмирующей ситуации при квалификации деяния по ст. 106 УК РФ.

Аналогичным образом должен решаться вопрос о наличии у виновной психического расстройства, не исключающего вменяемости.

2.2 Субъективные признаки убийства матерью новорождённого ребёнка

Субъективная сторона убийства матерью новорождённого ребёнка характеризует психическое отношение субъекта преступления (матери новорождённого) к своему деянию и наступившим общественно-опасным последствиям (в виде смерти ребёнка).

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, содержит ряд признаков, ключевым из которых является вина – в форме умысла, на что содержится указание непосредственно в диспозиции ст. 106 УК РФ. Данное преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом.

«Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления» (ч. 2 ст. 25 УК РФ).

В соответствии с действующим УК РФ, «преступление признаётся совершённым с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично» (ч. 3 ст. 25 УК РФ).

По уровню осознания общественной опасности преступления, прямой и косвенный умысел похожи друг на друга. При наличии прямого умысла предвидение полностью охватывает возможность или же неизбежность общественно-опасных последствий. При косвенном умысле предвидение охватывает только реальную возможность наступления общественно-опасных последствий.

Применительно к простому убийству, момент возникновения умысла на лишение жизни другого лица не имеет квалифицирующего значения. Что же касается убийства матерью новорождённого ребёнка, то здесь далеко не всё однозначно. В науке высказывается мнение о том, что для правильной квалификации деяния нужно установить момент возникновения умысла.

Как отмечается в одном из комментариев к действующему УК РФ, «он должен возникнуть во время родов, сразу после родов, в условиях психотравмирующей ситуации или при нахождении женщины в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Именно этими обстоятельствами должно быть обусловлено принятие решения о лишении ребенка жизни. В противном случае квалификация по ст. 106 УК РФ исключается» [26, с. 321].

Тем не менее, это не единственное из высказываемых по данному вопросу мнений. Есть авторы, которые полагают, что момент возникновения умысла у матери на убийство новорождённого ребёнка не имеет значение для квалификации, указывая, что «убийство новорожденного возможно, как с внезапно возникшим, так и с заранее обдуманым умыслом» [24, с. 205]. Аналогичный вывод озвучивается и другими специалистами [25, с. 190].

Тем более, что сама психотравмирующая ситуация может иметь значительную протяжённость во времени и определение момента возникновения умысла также может не совпадать с беременностью и родами. Кроме того, остаётся открытым вопрос о том, как определить фактический момент возникновения умысла при длительной психотравмирующей ситуации?

Представляется, что момент возникновения умысла на лишение жизни новорождённого не имеет квалифицирующего значения. Но на квалификацию преступления по ст. 106 УК РФ могут влиять иные составляющие субъективной стороны деяния – наличие корыстной цели, или цели использования органов или тканей потерпевшего и т.д.

Ряд специалистов, рассматривая вопрос формирования умысла на убийство новорождённого, отмечает, что «если при отсутствии психического расстройства и психотравмирующей ситуации женщина во время или сразу после родов реализует умысел на убийство, который возник задолго до рождения ребенка и продиктован мотивами мести, личной неприязни, корысти и т.д., ответственность должна наступать по соответствующей части ст. 105 УК РФ» [26, с. 321].

Наличие подобных целей, имеющих квалифицирующее значение и предусмотренных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, идёт вразрез с сущностью рассматриваемого деяния, которое не предполагает такого рода специальных целей, поскольку субъект преступления движим особым психическим состоянием, связанным с беременностью и родами, или психотравмирующей ситуацией.

Сам акт посягательства на жизнь новорождённого – есть проявление особого психофизиологического состояния, что и является определяющим в разграничении деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ и иных деяний, с точки зрения субъективной стороны преступления.

Если же новорождённый погибнет при наличии объективных обстоятельств, предусмотренных ст. 106 УК РФ, но по неосторожности, то деяние надлежит квалифицировать по ст. 109 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за причинение смерти по неосторожности.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, специальный. Это означает, что помимо вменяемости и достижения общего возраста уголовной ответственности, равного шестнадцати годам, законодатель предусматривает дополнительные критерии субъекта, без наличия которых квалификация по ст. 106 УК РФ будет невозможной.

Таким определяющим критерием выступает материнство. То есть, субъектом преступления, исходя из названия состава и самой формулировки ст. 106 УК РФ, может быть только вменяемое физическое лицо женского пола,

достигшее на момент совершения преступления возраста шестнадцати лет, являющееся матерью новорождённого ребёнка.

Примечательно, что убийство новорождённого ребёнка, совершённое его матерью, не достигшего возраста шестнадцати лет, но достигшей возраста четырнадцати лет, не влечёт уголовной ответственности, с учётом того, что ст. 106 УК РФ является специальной по отношению к ст. 105 УК РФ.

Как пишут в литературе, «убийство матерью новорожденного ребенка путем бездействия следует отличать от оставления в опасности (ст. 125 УК РФ) по направленности умысла виновной. Если исходя из обстоятельств дела будет установлено, что виновная, оставляя без помощи новорожденного, обоснованно рассчитывала на то, что его жизнь будет спасена иными лицами, ответственность по ст. 106 УК РФ исключается» [26, с. 321].

Таким образом, по итогам второй главы, можно сформулировать следующие выводы.

Родовой объект любого убийства, включая убийство матерью новорождённого ребёнка, представляет собой общественные отношения, которые направлены на охрану личности, ее прав и свобод.

Видовой же объект убийства – это те общественные отношения, которые направлены на охрану жизни. Относительно состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ – это общественные отношения, которые направлены на охрану жизни новорождённого.

Совершая убийство, преступник, тем самым, осуществляет непосредственное посягательство на жизнь другого лица. Исходя из такого понимания, непосредственным объектом анализируемого нами противоправного деяния выступает жизнь новорождённого.

Моментом начала уголовно-правовой защиты новорождённого в рамках ст. 106 УК РФ, является момент рождения, а момент завершения такой охраны связывается с моментом биологической смерти новорождённого.

Анализируя особенности объективной стороны убийства матерью новорождённого ребёнка, следует помнить о том, что данное преступление с материальным составом.

Смерть новорождённого, в качестве последствия деяния, может наступать сразу, или же через промежуток времени, но ключевым является наличие причинно-следственной связи между деянием, совершённым матерью новорождённого и последствием в виде гибели данного ребёнка. Это – один из важных моментов, необходимость доказывания которого лежит в основе обеспечения объективного и обоснованного привлечения лица к ответственности именно за убийство, а не иное преступление.

Существенной особенностью объективной стороны рассматриваемого деяния является специальный потерпевший, которым может выступать только новорождённый ребёнок, исходя из диспозиции ст. 106 УК РФ.

Законодатель связывает возможность привлечения виновной к ответственности по ст. 106 УК РФ только в случаях, когда деяние совершено во время, или сразу же после родов, либо в условиях психотравмирующей ситуации, а также в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Как представляется, именно результат соответствующей экспертизы может позволить решить вопрос о наличии психотравмирующей ситуации при квалификации деяния по ст. 106 УК РФ. Аналогично должен решаться вопрос о наличии у виновной психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, содержит ряд признаков, ключевым из которых является вина – в форме умысла, на что содержится указание непосредственно в диспозиции ст. 106 УК РФ. Данное преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Применительно к простому убийству, момент возникновения умысла на лишение жизни другого лица не имеет квалифицирующего значения. Что же

касается убийства матерью новорождённого ребёнка, то здесь далеко не всё однозначно. В науке высказывается мнение о том, что для правильной квалификации деяния нужно установить момент возникновения умысла.

Тем не менее, представляется, что момент возникновения умысла на лишение жизни новорождённого со стороны его матери не имеет квалифицирующего значения.

Наличие отдельных элементов субъективной стороны деяния в виде корыстной цели, или использования органов или тканей потерпевшего исключает квалификацию деяния по ст. 106 УК РФ, идёт вразрез с сущностью рассматриваемого деяния, которое не предполагает такого рода специальных целей, поскольку субъект преступления движим особым психическим состоянием, связанным с беременностью и родами, или психотравмирующей ситуацией.

Сам акт посягательства на жизнь новорождённого – есть проявление особого психофизиологического состояния, что и является определяющим в разграничении деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ и иных деяний, с точки зрения субъективной стороны преступления.

Специальным субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ может выступать дееспособная и достигшая возраста шестнадцати лет мать новорождённого ребёнка.

Глава 3 Проблемы квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка и совершенствование регулирования ответственности за данное преступление

3.1 Анализ проблем толкования ст. 106 УК РФ при квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка

Состав преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, как это отмечают многие специалисты, «изобилует погрешностями, затрудняющими ее применение» [21, с. 17].

Сложности квалификации деяния вызывают как проблемы, связанные как с несовершенством нормативной конструкции состава, так и связанные со сложностями толкования в правоприменительной практике.

В первую очередь, рассмотрим проблемы, связанные с толкованием ст. 106 УК РФ и сложностями квалификации анализируемой разновидности убийства, связанными с необходимостью разграничения со смежными составами уголовно наказуемых деяний.

Аспектом, вызывающим проблемы в понимании правильности квалификации преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, является правильность толкования субъекта анализируемого преступления. Законодатель определяет в качестве такового, как уже было указано выше при анализе субъективных признаков деяния, мать новорождённого ребёнка. Именно этот специфический критерий – «материнство», нуждается в отдельном анализе, несмотря на кажущуюся простоту определения.

С этимологической точки зрения, «мать – женщина, родившая своего ребенка» [64, с. 346]. В правовом плане статус матери у женщины появляется в связи с государственной регистрацией рождения на основании документа установленной формы о рождении ребёнка, что находит своё закрепление в ч. 1 ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации [56] (СК РФ), а также

ст. 14 Федерального закона от 15.11.1997 г. № 6-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [68].

Помимо этого, фактически, мать может пониматься, как «биологическая мать – женщина, зачавшая, выносившая и родившая ребенка, генетическая – предоставившая свою яйцеклетку, суррогатная – выносившая и родившая биологически чужого ребенка» [14, с. 17].

Такой спектр вариантов понимания того, кто может (или не может) являться субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, порождает неоднозначность в толковании данного вопроса и формирования диаметрально противоположных точек зрения на данную проблему.

Отдельные авторы прямо указывают на то, что в качестве субъекта анализируемого деяния выступает «биологическая мать ребенка» [26, с. 321], подчеркивая, что «убийство новорожденного ребёнка его небиологической (юридической – при суррогатном материнстве) матерью, даже при обстоятельствах, указанных в ст. 106 УК РФ, должно квалифицироваться по соответствующей части ст. 105 УК РФ» [26, с. 321].

Другие специалисты не конкретизируют данный вопрос, дублируя используемый законодателем оборот «мать ребёнка» [27, с. 282], не внося ясности в его понимание и толкование.

Представляется, что оборот «мать новорождённого ребёнка», используемый в диспозиции ст. 106 УК РФ, нуждается в широком толковании, включая в себя как биологическую, так и суррогатную, а также генетическую мать ребёнка. Поскольку, как уже неоднократно отмечалось, законодатель связывает привилегированность состава с особым психическим состоянием матери, связанным с беременностью и родами, нет никаких оснований не считать мать, выносившую и родившую генетически чужого ребёнка на свет, субъектом рассматриваемого преступления. Ведь именно она испытывает весь комплекс психофизиологических реакций на состояние беременности и роды. Напротив, при суррогатном материнстве, совершение убийства новорождённого его генетической матерью (при отсутствии психо-

травмирующей ситуации), не влечёт ответственность по ст. 106 УК РФ, но никак не наоборот.

Может ли приёмная мать выступать субъектом данного преступления? Представляется, что при буквальном толковании ст. 106 УК РФ, при наличии психотравмирующей ситуации, теоретически, препятствий для квалификации убийства новорождённого приёмного ребёнка его приёмной матерью (например, непосредственно после усыновления или удочерения новорождённого) нет – и суррогатная и приёмная матери отвечают общему родовому определению категории «мать».

Таким образом, субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ может выступать дееспособная и достигшая возраста шестнадцати лет мать новорождённого ребёнка (как биологическая, или генетическая, так и суррогатная или приёмная).

Многочисленные сложности вызывает вопрос разграничения деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ от иных смежных составов преступлений.

Ключевым аспектом выступает отграничение состава ст. 106 УК РФ от ч. 2 ст. 105 УК РФ. В данном вопросе следует уделять особое внимание наличию (отсутствию) особого психофизиологического состояния субъекта преступления, в качестве которого выступает мать новорождённого ребёнка, обусловленного влиянием родового процесса и связанных с ним обстоятельств.

Как уже было отмечено ранее, если убийство новорождённого совершено матерью не сразу после родов, или если мать ребёнка не страдает психическим расстройством, не исключающим вменяемость, или не находится в условиях психотравмирующей ситуации – то деяние подлежит квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающей ответственность за убийство малолетнего.

Также, необходимо отграничивать анализируемое преступное, предусмотренное ст. 106 УК РФ, от причинения смерти по неосторожности,

предусмотренное ст. 109 УК РФ. Здесь важно учитывать форму вины, а также положения ст. 28 УК РФ.

Как отмечается исследователями, «следует учитывать, что неосторожное причинение смерти своему рождающемуся ребенку в результате неумышленных действий, вызванных патологическими родами и другими подобными обстоятельствами, являются огромным психологическим потрясением для роженицы, подпадает в большинстве случаев под критерии невиновного причинения вреда» [8, с. 67].

Относительно неосторожного причинения роженицей в процессе родов травм младенцу следует отметить исключение подобных ситуаций из сферы действия уголовного закона. Такие случаи можно расценивать только как неосторожное причинение вреда здоровью, повлекшее смерть. Соответствующий состав в действующем УК РФ отсутствует. Ответственность по ст. 109 УК РФ может наступать только в случае неосторожного причинения смерти родившемуся ребенку.

Необходимо разграничивать убийство новорождённого путём бездействия и преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, регламентирующей ответственность за оставление в опасности.

Основным разграничительным критерием здесь выступает содержание субъективной стороны, направленность умысла: осознанное неоказание помощи при возможности (обязанности) её оказания либо осознание последствия в виде причинения смерти. Ответственность по ст. 125 УК РФ может иметь место только при недоказанности умысла, направленного на причинение смерти новорождённому за счёт бездействия.

Безусловно, субъективный умысел виновной при такой ситуации доказать может быть сложно, но, тем не менее, это единственный аспект, позволяющий чётко разграничить убийство матерью новорождённого посредством бездействия в виде оставления ребёнка в опасности, предусмотренное ст. 106 УК РФ, и деяние, при котором такой умысел отсутствует, предусмотренное ст. 125 УК РФ.

Наконец, на практике возникают сложности в разграничении убийства матерью новорожденного ребенка и неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. В данном случае следует особо тщательно исследовать все элементы и признаки состава преступления. В некоторых случаях может быть обоснованной квалификация деяния по совокупности преступлений.

3.2 Совершенствование нормативного регулирования ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка

Далее рассмотрим проблемы, связанные непосредственно с конструкцией состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ и определим пути совершенствования нормативного регулирования ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка.

Как уже указывалось ранее, моментом уголовно-правовой охраны жизни человека является момент его рождения, которым следует считать момент отделения плода от организма матери посредством родов. Тем не менее, законодатель в диспозиции ст. 106 УК РФ говорит о совершении убийства матерью новорождённого ребёнка, в том числе, «во время родов», что вызывает критику.

Дело в том, что с медицинской точки зрения, роды – это длительный физиологический процесс, который по своей продолжительности не идентичен его итогам в виде рождения ребёнка на свет. Таким образом, фактически, убийство во время родов – до их завершения рождением ребёнка, не может считаться убийством, поскольку гибнет не человек, а плод. Другими словами, последствие в виде смерти человека не наступает.

В итоге создаётся ситуация, при которой, при буквальном толковании, мать может быть привлечена к уголовной ответственности за убийство ребёнка до его рождения, что не представляется правильным. Поскольку роды

заканчиваются рождением ребёнка – это означает, что убийство новорождённого возможно только после родов, а не во время родов.

В связи с этим, законодателю было логично необходимо исключить из диспозиции ст. 106 УК РФ оборот «во время родов». Несмотря на то, что подобная критика высказывается в науке, соответствующее изменение в ст. 106 УК РФ так и не было внесено.

Проблемным и насущным вопросом в свете рассматриваемой темы, является вопрос, связанный с возрастом субъекта анализируемого преступления. Как уже было отмечено ранее, при анализе признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, ответственность за данное деяние наступает с момента достижения общего возраста уголовной ответственности – 16 лет. Однако, в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ, ответственность за убийство по ст. 105 УК РФ наступает с минимально возможного возраста уголовной ответственности – 14 лет.

Как верно отмечается исследователями, «при таком подходе действия лица, не достигшего установленного возрастного ценза, должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 105 УК РФ, т.к. ответственность за означенное деяние наступает с 14-летнего возраста» [13, с. 41].

Не вполне понятна логика законодателя в данном вопросе. С учётом того, что раннее материнство – явление отнюдь не редкое и исключительное. В этой связи игнорирование данного вопроса идёт вразрез с гуманистической направленностью российского уголовного права, ведь при существующем в настоящий момент регулировании одинаково характеризующимся лицам, совершившим аналогичные по объективным и субъективным составляющим преступления, посягающие на жизнь новорождённого индивида, наказание может быть назначено судом в кардинально разных пределах: по привилегированному составу, либо по квалифицированному, только на основании минимальной разницы в возрасте.

В отдельных работах авторы ссылаются на практические примеры квалификации подобного рода деяний, красноречиво свидетельствующие о

том, что при несоответствии возраста матери, убившей своего новорождённого ребёнка, возрасту субъекта преступления, обозначенного в ст. 106 УК РФ, деяние квалифицируется по ч. 2 ст. 105 УК РФ, что вряд ли можно рассматривать, как проявление принципа гуманизма: «действия четырнадцатилетней школьницы, утопившей своего новорожденного ребенка в ванне, были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ» [13, с. 41].

Отдельные авторы пишут о том, что умышленные действия по причинению смерти новорожденному ребенку, совершенные матерью, не достигшей 16 лет, не влекут уголовной ответственности.

В частности, И.А. Бутяйкин и В.П. Пирогов пишут следующее: «Представляется, если роженица не может быть привлечена к ответственности за привилегированное убийство в силу не достижения соответствующего возраста, то, конечно же, ее нельзя привлечь к ответственности за совершение квалифицированного убийства» [8, с. 69].

Тем не менее, такая точка зрения не соответствует правилам уголовно-правовой квалификации. Действительно, при конкуренции квалифицированного и привилегированного составов подлежит применению привилегированный состав, что вполне логично. Но в анализируемой нами ситуации такой возможности нет, а значит нет и самой конкуренции составов преступлений, предусмотренных ст. 105 и 106 УК РФ.

Более того, как обоснованно подчёркивается в исследованиях, «освобождение от ответственности лиц женского пола в возрасте от 14 до 16 лет за совершение анализируемого деяния нецелесообразно, т.к. порождает безнаказанность и влечет нарушение требований основополагающих уголовно-правовых принципов» [13, с. 42].

Таким образом, «отсутствие признаков специальной нормы влечет действие общей» [72, с. 16]. Однако, это не исключает объективной парадоксальности рассматриваемой ситуации и не соответствия её критериям гуманности и справедливости.

Решением данной проблемы является внесение соответствующих изменений в ч. 2 ст. 20 УК РФ, путём дополнения её указанием на ст. 106 УК РФ.

Такое решение будет отвечать объективным реалиям, в соответствии с которыми раннее материнство в современном обществе может наступать в более раннем возрасте, чем возраст 16 лет, что диктует необходимость предусматривать это применительно к ситуациям, связанным с лишением жизни матерью новорождённого ребёнка, ведь реакция государства на совершение любого противоправного посягательства должна быть адекватной, соразмерной содеянному и справедливой.

Проблему составляет и отсутствие единства мнений относительно возраста потерпевшего по анализируемому составу преступления. В публикациях по медицине, равно, как и в юридических публикациях, отсутствует точность определения возраста ребёнка, в пределах которого он может считаться новорождённым, хотя, указываемые авторами сроки довольно близки: 28 дней [57, с. 24], 29 дней [41, с. 32], 30 дней [60, с. 356].

Отсутствие конкретики в данном вопросе неприемлемо для правоприменения, поскольку является одним из определяющих аспектов, от которого зависит будет ли виновная привлечена к ответственности по привилегированному составу, или же по квалифицированному составу преступления.

Таким образом, существующую неоднозначность необходимо устранить, путём добавления в ст. 160 УК РФ примечания, конкретизирующего предельный возраст, до которого ребёнок должен считаться правоприменителем новорождённым, а значит – потерпевшим по ст. 106 УК РФ. Исходить, как представляется, следует из максимального срока, указываемого специалистами – 30 дней.

Примечание к ст. 106 УК РФ может быть сформулировано следующим образом: «Примечание. Новорождённым ребёнок считается в период, равный тридцати календарным дням с момента рождения».

Проблемным является вопрос нормативного регулирования привлечения к ответственности за убийства новорождённого ребенка в соучастии.

По правилам квалификации соисполнители данного преступления должны нести ответственность по ст. 105 УК РФ (независимо от пола). Тем не менее, возникает вопрос надлежащей оценки действий матери, выступившей в анализируемом деянии в качестве подстрекателя, организатора или пособника.

Как представляется, смягчение ответственности за содеянное, соответствующее объективным и субъективным признакам ст. 106 УК РФ, не должно распространяться на ситуации, связанные с совместным участием в совершении убийства новорождённого ребёнка.

Тем не менее, в практике отсутствует единство подходов: в одних случаях, мать привлекается к ответственности по ст. 106 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ, а соучастник привлекается к ответственности по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а в других – оба соучастника привлекаются к ответственности по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, о чём говорят специалисты, ссылаясь на проанализированные судебные решения [14].

Думается, что соответствующим правилам квалификации, а также принципу справедливости, будет являться подход, в соответствии с которым все соучастники рассматриваемого деяния подлежат привлечению к ответственности по ч. 2 ст. 105 УК РФ за квалифицированный состав убийства.

Данная точка зрения находит поддержку в научных публикациях.

«Ответственность соучастников должна в этом случае наступать на общих основаниях, так как это обусловлено обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность и наказание, а при инверсивной конкуренции норм должна применяться общая норма, а именно норма, устанавливающая ответственность за убийство, совершенное группой лиц или группой лиц по предварительному сговору» [20, с. 20] - пишет В.П. Карлов.

С данным мнением следует согласиться, поскольку в подобной ситуации мать новорождённого совершает преступление в соучастии с другим лицом, утрачивая признаки специального субъекта, обусловленные её статусом. Женщина в такой ситуации становится лицом, совершившим преступление с отягчающим наказанием обстоятельством, предусмотренным как квалифицирующий признак ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Поэтому правильной и справедливой будет являться квалификация действий матери и иных соучастников убийства новорождённого ребёнка по ч. 2 ст. 105 УК РФ. Как вариант решения вопроса о квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка в соучастии, может выступить введение в ст. 106 УК РФ дополнительной части, в рамках которой можно предусмотреть повышенную ответственность матери за данное деяние, сравнительно с аналогичным деянием без соучастия, но с меньшим размером возможного наказания, чем это предусмотрено ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Вызывает вопрос привлечения к ответственности виновной за убийство нескольких новорождённых детей – например, близнецов. Подобная ситуация, теоретически, возможна. Более того, отдельные авторы указывают на практические примеры привлечения к ответственности в подобном случае. В частности: «в Удмуртии действия женщины, убившей двух своих новорожденных детей под воздействием тяжелого материального положения и сложной психосоциальной ситуации, были квалифицированы по ст. 106 УК РФ» [14, с. 19].

Такой подход соотносится с правилами квалификации, обозначенными В.Н. Кудрявцевым: «При конкуренции квалифицированного и привилегированного составов преступлений применению подлежит норма, содержащая привилегированный состав» [32, с. 226].

Тем не менее, для решения данного вопроса на нормативном уровне и предупреждения неоднозначного толкования и правоприменения, в ст. 106 УК РФ, в рамках дополнительной части уголовно-правовой нормы, следует предусмотреть ответственность матери за убийство двух и более

новорождённых детей. Это позволит дифференцировать ответственность виновной, предусмотрев больший размер наказания за такое деяние, сравнительно с убийством матерью одного новорождённого ребёнка.

Таким образом, с учётом проанализированных сложностей регулирования и мнений специалистов по данному вопросу, видится целесообразным внесение изменений в ст. 106 УК РФ.

В новой редакции ст. 106 УК РФ, в рамках основного состава преступления, который следует оформить как ч. 1 ст. 106 УК РФ, необходимо исключить из диспозиции оборот «во время родов».

Также в ст. 106 УК РФ следует ввести ч. 2, включающую в себя ответственность за деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 106 УК РФ, если оно совершено: в отношении двух или более новорождённых детей или в соучастии. За деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 106 УК РФ в предлагаемой редакции, следует установить больший размер ответственности.

Таким образом, подводя итог третьей главы, посвящённой проблемам квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка и совершенствования регулирования ответственности за данное преступление, можно отметить, что ряд вопросов, связанных с толкованием ст. 106 УК РФ нуждается в уточнении.

В частности, нуждается в уточнении понимание субъекта преступления, которым является мать новорождённого ребёнка. Именно этот специфический критерий – «материнство», нуждается в отдельном анализе, несмотря на кажущуюся простоту определения.

Представляется, что оборот «мать новорождённого ребёнка», используемый в диспозиции ст. 106 УК РФ, нуждается в широком толковании, включая в себя как биологическую, так и суррогатную, а также генетическую мать ребёнка. Поскольку, как уже неоднократно отмечалось, законодатель связывает привилегированность состава с особым психическим состоянием матери, связанным с беременностью и родами, нет никаких оснований не считать мать, выносившую и родившую генетически чужого ребёнка на свет,

субъектом рассматриваемого преступления. Ведь именно она испытывает весь комплекс психофизиологических реакций на состояние беременности и роды. Напротив, при суррогатном материнстве, совершение убийства новорождённого его генетической матерью (при отсутствии психотравмирующей ситуации), не влечёт ответственность по ст. 106 УК РФ, но никак не наоборот.

Также представляется, что при буквальном толковании ст. 106 УК РФ, при наличии психотравмирующей ситуации, субъектом анализируемого преступления может быть и приёмная мать новорождённого ребёнка.

Таким образом, субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ может выступать дееспособная и достигшая возраста шестнадцати лет мать новорождённого ребёнка (как биологическая, или генетическая, так и суррогатная или приёмная).

Что касается многочисленных сложностей, связанных с разграничением деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ от иных смежных составов преступлений, то такое разграничение строится на глубоком анализе объективных и субъективных составляющих деяния.

Представляется, что самую большую сложность при этом составляет разграничение по субъективной стороне преступления. В частности, относительно разграничения анализируемого деяния с преступлением, предусмотренным ст. 125 УК РФ, доказывание умысла на убийство новорождённого, с учётом фактических обстоятельств преступления, может быть весьма проблематичным.

Относительно совершенствования нормативной конструкции анализируемого состава преступления, с учётом проанализированных сложностей регулирования и мнений специалистов по данному вопросу, видится целесообразным внесение изменений в ст. 106 УК РФ.

В новой редакции ст. 106 УК РФ, в рамках основного состава преступления, который следует оформить как ч. 1 ст. 106 УК РФ, необходимо исключить из диспозиции оборот «во время родов».

Также в ст. 106 УК РФ следует ввести ч. 2, включающую в себя ответственность за деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 106 УК РФ, если оно совершено: в отношении двух или более новорождённых детей или в соучастии. За деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 106 УК РФ в предлагаемой редакции, следует установить больший размер ответственности.

Также видится целесообразным внесение изменений в ч. 2 ст. 20 УК РФ, путём дополнения её указанием на ст. 106 УК РФ. Данное изменение позволит применять привилегированный состав преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, к матери новорождённого, достигшей на момент совершения преступления возраста 14 лет. В настоящий момент, складывается парадоксальная ситуация, при которой мать, не достигшая возраста 16 лет, но достигшая возраста 14 лет, подлежит ответственности за убийство своего новорождённого ребёнка по ч. 2 ст. 105 УК РФ – за убийство при отягчающих обстоятельствах, что идёт вразрез с гуманистической направленностью российского уголовного права.

Существующую неоднозначность в определении возраста ребёнка, выступающего потерпевшим по анализируемому составу преступления, также необходимо устранить, путём добавления в ст. 160 УК РФ примечания, конкретизирующего предельный возраст, до которого ребёнок должен считаться правоприменителем новорождённым. Исходить, как представляется, следует из максимального срока, указываемого специалистами – 30 дней.

Примечание к ст. 106 УК РФ может быть сформулировано следующим образом: «Примечание. Новорождённым ребёнок считается в период, равный тридцати календарным дням с момента рождения».

Как представляется, внесение данных изменений и дополнений в ст. 106 УК РФ может значительно повысить формальную определённость в вопросах квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка, обеспечивая непротиворечивое правоприменение.

Заключение

В заключении работы сформулируем общие выводы по проведённому исследованию.

Развитие уголовного законодательства относительно ответственности за убийство в целом и убийство матерью новорождённого ребёнка проходило определённые этапы, следуя за развитием соответствующих общественных отношений, общественной морали и нравственных устоев.

В конечном итоге, по мере отказа от подходов к обоснованию наказуемости соответствующих деяний во взаимосвязи с нормами христианской морали и развитием научных взглядов на специфику психофизиологического состояния материв период родов и после них, в положениях отечественного уголовного законодательства закрепился подход к определению убийства матерью новорождённого ребёнка, как привилегированного состава преступления против личности.

Анализируемый состав уголовно наказуемого деяния характеризуется комплексом объективных и субъективных признаков.

Родовой объект любого убийства, включая убийство матерью новорождённого ребёнка, представляет собой общественные отношения, которые направлены на охрану личности, ее прав и свобод.

Видовой же объект убийства – это те общественные отношения, которые направлены на охрану жизни. Относительно состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ – это общественные отношения, которые направлены на охрану жизни новорождённого.

Совершая убийство, преступник, тем самым, осуществляет непосредственное посягательство на жизнь другого лица. Исходя из такого понимания, непосредственным объектом анализируемого нами противоправного деяния выступает жизнь новорождённого.

Моментом начала уголовно-правовой защиты новорождённого в рамках ст. 106 УК РФ, является момент рождения, а момент завершения такой охраны связывается с моментом биологической смерти новорождённого.

Анализируя особенности объективной стороны убийства матерью неврождённого ребёнка, следует помнить о том, что данное преступление с материальным составом.

Смерть новорождённого, в качестве последствия деяния, может наступать сразу, или же через промежуток времени, но ключевым является наличие причинно-следственной связи между деянием, совершённым матерью новорождённого и последствием в виде гибели данного ребёнка. Это – один из важных моментов, необходимость доказывания которого лежит в основе обеспечения объективного и обоснованного привлечения лица к ответственности именно за убийство, а не иное преступление.

Существенной особенностью объективной стороны рассматриваемого деяния является специальный потерпевший, которым может выступать только новорождённый ребёнок, исходя из диспозиции ст. 106 УК РФ.

Законодатель связывает возможность привлечения виновной к ответственности по ст. 106 УК РФ только в случаях, когда деяние совершено во время, или сразу же после родов, либо в условиях психотравмирующей ситуации, а также в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Как представляется, именно результат соответствующей экспертизы может позволить решить вопрос о наличии психотравмирующей ситуации при квалификации деяния по ст. 106 УК РФ. Аналогично должен решаться вопрос о наличии у виновной психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, содержит ряд признаков, ключевым из которых является вина – в форме умысла, на что содержится указание непосредственно в диспозиции ст. 106

УК РФ. Данное преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Применительно к простому убийству, момент возникновения умысла на лишение жизни другого лица не имеет квалифицирующего значения. Что же касается убийства матерью новорождённого ребёнка, то здесь далеко не всё однозначно. В науке высказывается мнение о том, что для правильной квалификации деяния нужно установить момент возникновения умысла.

Тем не менее, представляется, что момент возникновения умысла на лишение жизни новорождённого со стороны его матери не имеет квалифицирующего значения.

Наличие отдельных элементов субъективной стороны деяния в виде корыстной цели, или использования органов или тканей потерпевшего исключает квалификацию деяния по ст. 106 УК РФ, идёт вразрез с сущностью рассматриваемого деяния, которое не предполагает такого рода специальных целей, поскольку субъект преступления движим особым психическим состоянием, связанным с беременностью и родами, или психотравмирующей ситуацией.

Сам акт посягательства на жизнь новорождённого – есть проявление особого психофизиологического состояния, что и является определяющим в разграничении деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ и иных деяний, с точки зрения субъективной стороны преступления.

Специальным субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ может выступать дееспособная и достигшая возраста шестнадцати лет мать новорождённого ребёнка.

Подводя итог анализа проблем квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка и совершенствования регулирования ответственности за данное преступление, можно отметить, что ряд вопросов, связанных с толкованием ст. 106 УК РФ нуждается в уточнении.

В частности, нуждается в уточнении понимание субъекта преступления, которым является мать новорождённого ребёнка. Именно этот специфический

критерий – «материнство», нуждается в отдельном анализе, несмотря на кажущуюся простоту определения.

Представляется, что оборот «мать новорождённого ребёнка», используемый в диспозиции ст. 106 УК РФ, нуждается в широком толковании, включая в себя как биологическую, так и суррогатную, а также генетическую мать ребёнка. Поскольку, как уже неоднократно отмечалось, законодатель связывает привилегированность состава с особым психическим состоянием матери, связанным с беременностью и родами, нет никаких оснований не считать мать, выносившую и родившую генетически чужого ребёнка на свет, субъектом рассматриваемого преступления. Ведь именно она испытывает весь комплекс психофизиологических реакций на состояние беременности и роды. Напротив, при суррогатном материнстве, совершение убийства новорождённого его генетической матерью (при отсутствии психотравмирующей ситуации), не влечёт ответственность по ст. 106 УК РФ, но никак не наоборот.

Также представляется, что при буквальном толковании ст. 106 УК РФ, при наличии психотравмирующей ситуации, субъектом анализируемого преступления может быть и приёмная мать новорождённого ребёнка.

Таким образом, субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ может выступать дееспособная и достигшая возраста шестнадцати лет мать новорождённого ребёнка (как биологическая, или генетическая, так и суррогатная или приёмная).

Что касается многочисленных сложностей, связанных с разграничением деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ от иных смежных составов преступлений, то такое разграничение строится на глубоком анализе объективных и субъективных составляющих деяния.

Представляется, что самую большую сложность при этом составляет разграничение по субъективной стороне преступления. В частности, относительно разграничения анализируемого деяния с преступлением, предусмотренным ст. 125 УК РФ, доказывание умысла на убийство

новорождённого, с учётом фактических обстоятельств преступления, может быть весьма проблематичным.

Относительно совершенствования нормативной конструкции анализируемого состава преступления, с учётом проанализированных сложностей регулирования и мнений специалистов по данному вопросу, видится целесообразным внесение изменений в ст. 106 УК РФ.

В новой редакции ст. 106 УК РФ, в рамках основного состава преступления, который следует оформить как ч. 1 ст. 106 УК РФ, необходимо исключить из диспозиции оборот «во время родов».

Также в ст. 106 УК РФ следует ввести ч. 2, включающую в себя ответственность за деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 106 УК РФ, если оно совершено: в отношении двух или более новорождённых детей или в соучастии. За деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 106 УК РФ в предлагаемой редакции, следует установить больший размер ответственности.

Также видится целесообразным внесение изменений в ч. 2 ст. 20 УК РФ, путём дополнения её указанием на ст. 106 УК РФ. Данное изменение позволит применять привилегированный состав преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, к матери новорождённого, достигшей на момент совершения преступления возраста 14 лет. В настоящий момент, складывается парадоксальная ситуация, при которой мать, не достигшая возраста 16 лет, но достигшая возраста 14 лет, подлежит ответственности за убийство своего новорождённого ребёнка по ч. 2 ст. 105 УК РФ – за убийство при отягчающих обстоятельствах, что идёт вразрез с гуманистической направленностью российского уголовного права.

Существующую неоднозначность в определении возраста ребёнка, выступающего потерпевшим по анализируемому составу преступления, также необходимо устранить, путём добавления в ст. 160 УК РФ примечания, конкретизирующего предельный возраст, до которого ребёнок должен считаться правоприменителем новорождённым.

Исходить, как представляется, следует из максимального срока, указываемого специалистами – 30 дней.

Примечание к ст. 106 УК РФ может быть сформулировано следующим образом: «Примечание. Новорождённым ребёнок считается в период, равный тридцати календарным дням с момента рождения».

Как представляется, внесение данных изменений и дополнений в ст. 106 УК РФ может значительно повысить формальную определённость в вопросах квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка, обеспечивая непротиворечивое правоприменение.

Таким образом, вопросы уголовной ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка продолжают нуждаться в совершенствовании, направленном на совершенствование правоприменения в данном направлении, отвечающем принципу гуманизма, а также справедливости, с учётом специфики рассматриваемого состава уголовно наказуемого деяния.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авдеев М.Н. Правовые аспекты пересадки тканей // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. 255 с.
2. Акмалова А.А., Смирнов В.А. История отечественного государства и права. М., 2008. 387 с.
3. Артикул воинский и Морской устав // Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. М., 1986.
4. Бабаджанов И.Х. Содержание права на жизнь: некоторые вопросы теории и законодательной формализации // Юридический мир. 2010. № 2. С. 59-61.
5. Бабичев А.Г. Убийство (ч. 1 ст. 105 УК России): уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 251 с.
6. Бородин С.В. Преступление против жизни. М., 1999. 370 с.
7. Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 390 с.
8. Бутяйкин И.А., Пирогов В.П. Отдельные проблемы конструкции состава убийства матерью новорождённого ребёнка // Право и практика. 2021. № 2. С. 65-71.
9. Васьков П.Ф., Ковалев М.И. Вопросы определения смерти // Социалистическая законность. 1982. № 6. С. 12-17.
10. Грубова Е.И. Ретроспективный анализ дореволюционного российского уголовного законодательства об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // История государства и права. 2008. № 13. С. 20-22.
11. Декрет о суде № 2 от 07.03.1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
12. Демидов Ю.А. Человек – объект уголовно-правовой охраны // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 110-160.

13. Дядюн К.В. Проблемные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Адвокат. 2016. № 5. С. 39-48.
14. Дядюн К.В. Убийство матерью новорожденного ребенка: вопросы объективной стороны состава // Адвокат. 2013. № 11. С. 15-20.
15. Живодеров Н.Н. Судебная медицина: Учебное пособие для вузов. М.: Закон и право, 2001. 280 с.
16. Живодрова Н.А., Андриянцева Ю.В. Убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации: анализ судебной практики // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7. № 3 (27). С. 139-143.
17. Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (Вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
18. Запись о душегубстве 1456 – 1462 гг. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. М., 1985.
19. Ивнева Е.В., Соловьёва Е.В. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка в российском уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 129-135.
20. Карлов В.П. Проблемы квалификации при убийстве матерью новорожденного ребенка, совершенном в соучастии с другим лицом // Российский следователь. 2011. № 7. С. 19-23.
21. Князев Д.С. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и пути их преодоления // Российский следователь. 2010. № 16. С. 17-19.
22. Комарова В.В. Право на жизнь в доктрине и в праве // Право и государство: теория и практика. 2013. № 5. С. 46-49.
23. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. М. : Проспект, 2008. 690 с.

24. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ, 2013. 672 с.
25. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. М. : Проспект, 2012. 544 с.
26. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. Т. 1. М. : Проспект, 2015. 792 с.
27. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2013. 912 с.
28. Константинов П. Объект убийства: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2005. № 2. С. 36-39.
29. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. № 144.
30. Красиков А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 123 с.
31. Кругликов Л.Л. Преступления против личности. Ярославль, 2004. 180 с.
32. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. 480 с.
33. Курочка Е.В. Вопросы уголовной ответственности за преступления против жизни // Общество. Культура. Преступность. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. С. 73-78.
34. Курс уголовного права. Том 3. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: «Зерцало-М», 2002. 350 с.
35. Лукичев О.В. Детоубийство: уголовно правовая и криминологическая характеристика. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2000. 397 с.

36. Лукичев О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 22 с.
37. Лысак Н.В. Некоторые спорные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Российский следователь. 2008. № 18. С. 29-32.
38. Лысак Н.В. Ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка (историко-правовой анализ) // Семейное право. 2004. № 2. С. 44-47.
39. Лысак Н.В. Проблемы определения начального момента охраны жизни человека в уголовном праве // Российский следователь. 2002. № 2. С. 36-39.
40. Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб. : «Юридический центр Пресс», 2006. 781 с.
41. Педиатрия: Учебник для медицинских вузов. / Под ред. Н.П. Шабалова. СПб. : СпецЛит, 2005. 377 с.
42. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 377 с.
43. Попова С.А. Современные аспекты убийства матерью новорождённого ребёнка // Sciences of Europe. 2019. № 39. С. 68-71.
44. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
45. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 г.» (Вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
46. Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 г. № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения

реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека» // СЗ РФ. 2012. № 39. Ст. 5289.

47. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

48. Приговор № 1-121/2015 от 28.08.2015 г. по делу № 1-121/2015 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

49. Приговор № 1-173(1)/2015 от 21.10.2015 г. по делу № 1-173(1)/2015 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

50. Приговор № 1-24/2017 от 03.02.2017 г. по делу № 1-24/2017 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

51. Приговор № 1-354/2017 от 07.09.2017 г. по делу № 1-354/2017 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

52. Приговор № 1-66/2018 от 25.06.2018 г. по делу № 1-66/2018 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

53. Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // Российская газета. № 64, 23.03.2012

54. Самищенко С.С. Судебная медицина: Учебник для юридических вузов. М.: Право и закон, 1996. 620 с.

55. Селихова О.Г. Конституционно-правовые проблемы осуществления права индивидов на свободу и личную неприкосновенность: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 205 с.

56. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

57. Сергеева К.М. Педиатрия: Учебник. СПб.: Питер, 2007. 290 с.

58. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985.

59. Современное уголовное право. Общая и особенная части: Учебник / под ред. А.В. Наумова. М. : Илекса, 2007. 690 с.
60. Судебная медицина. Учебник для юридических вузов / Под общ. ред. проф. В.Н. Крюкова. М. : Норма, 2006. 469 с.
61. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.
62. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.
63. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Петроград: Государственная типография, 1915 // СПС «Гарант».
64. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведова. М., 1996. 907 с.
65. Уголовное уложение 1903 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. СПб., 1999.
66. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
67. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X - XX веков. М., 1988. Т. 6.
68. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.
69. Федорова А.Н. Ответственность за убийство по русской правде // Проблемы российского законодательства: история и современность. Материалы V-ой Межрегиональной научно-практической конференции Тольятти, 21-22 февраля 2008 г. Самара : Изд-во Самар. гуманит. акад., 2008. С. 33-37.
70. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Петроград, 1916 // СПС «Гарант».

71. Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 560 с.

72. Щепельков В.Ф. Субъект преступления: преодоление пробелов уголовного закона // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 15-20.